

Владимирская православная гимназия

Город Светлоград

Проект «Неугасимая Лампада»

Сестрам милосердия Первой Мировой Войны

А. Головченко

МИЛОСЕРДНАЯ СЕСТРА

(семь картин из жизни тылового госпиталя)

2013 г.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь.

Где-то монотонно капает вода.

На сцене госпитальная ординаторская.

Через всю сцену натянута веревка. На ней сушатся бинты, фартуки.

На этажерке у входа – граммофон.

В глубине сцены в центре стоит стол, на нем керосиновая лампа, БИКСа, горка свернутых бинтов, кружка, стопка книг.

У стола белая госпитальная ширма.

Рядом вешалка, на нее наброшены шинели, противогазные сумки.

У стены стоят две кровати, покрытые полосатыми матрасами.

Через зал идет Мила.

На ней одежда сестры милосердия – белый фартук, белый апостольник, на рукаве белая повязка с красным крестом.

Мила раздает сидящим в зале зрителям градусники, витаминки.

МИЛА: Семнадцатая, выздоравливающие, внимание! Прапорщик Игольников, температурку меряем. Подпрапорщик Шмидт, температурку... Подпоручик Фогель... Как выздоровление, Сергей Владимирович?.. Кто окно открыл? Ну сколько говорить – проветриваем по расписанию, ведь перемерзнете, что за народ такой...

Издали доносится песня «Милосердная сестра». Звуки песни и монотонно капавшей воды сливаются воедино.

Мила берет со стола таз с бельем.

На сцене появляется Христина в форме сестры милосердия. Христина начинает помогать Миле развешивать белье.

Мила уходит, чтобы вернуться за стол после монолога Христины.

ХРИСТИНА: Она началась 28 июля 1914 года. Ее называли по-разному: Великой, Большой, Второй Отечественной, Великой Отечественной. В народе – Германской. После октябрьского переворота – Империалистической. А потом о ней забыли... Мы решили ее вспомнить. Мы назовем ее просто Войной. То, что мы вам сейчас покажем – это наши мысли о тех, кто на ней жил, любил, воевал, умирал. О сестрах милосердия. О девочках с милым сердцем, скрывших в сердце тайну этой войны... Милость и суд воспою Тебе, Господи! Милость и суд!

Мила садится за стол, что-то пишет в тетради.

Христина берет со стола книгу, подходит к кровати, ложится на нее, укрывается шинелью.

Слышен шум проходящего где-то рядом поезда.

МИЛА (словно про себя, грызя карандаш): Дорогая моя Нинуша, и тебя с наступившим Рождеством и скорым Новым годом! Поезда идут часто — до 90 поездов в сутки — каждые четверть часа. Однажды при мне в Боярке разыгралась такая сцена: проходил поезд (воинский)...

Христина поворачивается в кровати, на пол падает книга.

Мила встает, поднимает книгу, сидя рядом с кроватью на корточках, листает ее.

МИЛА: ...проходил поезд (воинский), вдруг из группы баб, стоявших на перроне, раздаётся вопль. Одна из них бросается к вагону: узнала своего мужа-солдата! Как она плакала, бедная!

Христина сонно щурится, садится в кровати, смотрит на Милу.

ХРИСТИНА: Уже пора? А сколько времени?

МИЛА: Нет-нет, спи, Христиночка, спи. Еще рано. Я подежурю...

ХРИСТИНА (бормочет, засыпая): Милочка, ты в 17-ой посмотри, там окно, я проветривала, кажется...

Неслышно в комнату входит юноша в медицинском халате, полевой фуражке, подходит к столу, наливает из чайника в кружку воды. Это Амвросий.

Мила, сидя на корточках у кровати, раскрывает книгу, читает:

МИЛА:

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю... *(смешно мяучит)* Мяу!

АМВРОСИЙ *(удивленно оборачивается)*: Потоптаева, очень мило...

Мила смущенно вскакивает.

МИЛА: А подслушивать неблагородно, господин доктор.

АМВРОСИЙ: Я не подслушивал – вы звук моих шагов издали не уловили...
В 17-й палате окно открыто.

МИЛА: Я проветривала, господин капитан медицинской службы.

АМВРОСИЙ: Вы мне так весь госпиталь проветрите до скарлатины, сестра.

МИЛА *(порывается идти)*: Я пойду закрою!

АМВРОСИЙ *(перехватывает ее за руку)*: Я закрыл уже.

Они теперь стоят, максимально отделившись друг от друга, соприкасаясь только пальцами рук.

МИЛА: Как мило с вашей стороны.

АМВРОСИЙ: Согласен, мило... Людмила.

МИЛА *(нарочитым полупшепотом)*: А сестра милосердия Христина Юрьевна Зотова, кажется, не спит.

Христина на кровати закрывается шинелью с головой.

Амвросий поспешно убирает руку.

АМВРОСИЙ *(нарочито громким голосом)*: Это замечательно, что не спит. На дежурстве спать нельзя!.. И когда у вас только будет порядок? Что это вы здесь развесили... Право, как не стыдно!

Амвросий начинает снимать с веревки белье, бинты.

Мила подбегает, забирает из его рук белье, поспешно собирает с веревки бинты.

МИЛА: Вы, Амвросий Александрович, не ругайтесь. Знаете, совсем негде сушить.

АМВРОСИЙ: Ну, нельзя же так, Людмила Андреевна! Это госпиталь, а не сушильня! Вы словно дети здесь! А ведь война!..

МИЛА (*частит*): А мы и есть дети, Амвросий Александрович. И умом, и телом, и душой. Да к тому же и дуры полные. Иначе я разве мяукала бы? Вот сами посудите: разве я понимаю, что сейчас война, что отечество в опасности. Мне бы только в куклы играть, ведь правда? А может, вы чайку хотите? У операционной сестры Степановой сахар есть в тайничке. Такой сладкий-сладкий. Я знаю где. Хотите? Хотите чайку сладенького?!

На протяжении всего разговора Мила и доктор сматывают один длинный бинт с двух сторон, приближаясь друг к другу, не отрывая друг от друга глаз, пока не становятся вплотную.

АМВРОСИЙ (*полупшепотом*): Вы уже три месяца издеваетесь надо мной, Людмила Алексеевна. Я считал.

МИЛА (*взволнованно*): Плохо считали, господин миленький капитан медицинской службы: три месяца и шесть дней уже.

АМВРОСИЙ (*косит глазом в сторону кроватей*): А сестра милосердия Христина Юрьевна Зотова...

МИЛА: А мне все равно, что там сестра милосердия Христина Юрьевна Зотова... Вы рапорт мой опять не подписали?

СТЕПАНОВ: Это невозможно, Мила!

Амвросий и Мила начинают препираться. С улицы доносится шум поезда. Шум постепенно становится таким сильным, что мы почти не слышим о чем говорят Мила и Амвросий.

МИЛА: Вы почему мой рапорт не подписываете?

АМВРОСИЙ: Ты на фронт не поедешь! Я, в конце концов, обещал твоему отцу!

МИЛА: Я требую, чтобы вы подписали мой рапорт, господин капитан медицинской службы! Я здесь все равно не останусь! Я убегу на фронт!!

АМВРОСИЙ: Ты никуда не поедешь!!

МИЛА: Обязательно поеду!!

АМВРОСИЙ: Я тебя никуда не пущу!!.

Амвросий берет Милу руками за голову, прижимает к груди. Грохот поезда становится невыносимым.

Мила что-то кричит, пытается вырваться, отталкивает Амвросия.

Амвросий быстро уходит.

Неожиданно становится тихо, так тихо, что слышно как капает вода.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ХРИСТИНА: Австро-венгерское командование планировало военные действия на двух фронтах: в Галиции — против России и на Балканах — против Сербии и Черногории. Россия на своей западной границе имела 6 армий (52 пехотные и 21 кавалерийскую дивизии; всего свыше 1 млн. чел., 3203 орудия).

МИЛА: Смерть, она ждёт только слова команды. Она стоит начеку, послушная, выжидающая, готовая служить.

Звучит марш «Тоска по Родине».

На сцену, хромая, входит Хорунжий в полевой форме.

Он серьезен и сосредоточен.

На сцене появляются сестры милосердия, на них противогазные сумки.

ХРИСТИНА (выкрикивая): 22 апреля 1915 года в 17 часов со стороны немецких позиций севернее бельгийского города Ипра на фронте 6-8 км...

АНАСТАСИЯ: ...между пунктами Бакштуте и Лангенмарк появился серозеленый туман, накрывший через несколько минут опорные пункты французских войск.

СОФИЯ: Всего в течение 5 минут немцы выпустили из баллонов примерно 180 тонн хлора. Эффект был потрясающим!

МАРИАМНА: В результате газовой атаки было поражено 15 тысяч человек, из которых 5 тысяч погибли в течение следующих 2-х суток!

Сестры, толкаясь и смеясь, строятся в ряд.

Хорунжий становится спиной к залу.

ХОРУНЖИЙ (командует сестрам): Смирно!

Сестры вытягиваются по команде.

ХОРУНЖИЙ: Противогаз носится в следующих положениях: Положение №1 – Походное: Противогаз располагается в сумке на левом боку и на уровне пояса. Все пуговицы застегнуты.

Сестры выполняют.

ХОРУНЖИЙ: Положение №2 – наготове: Если есть угроза заражения. По команде «Внимание!» необходимо передвинуть противогазную сумку на живот и расстегнуть пуговицы.

Сестры начинают расстегивать пуговицы на платьях.

ХОРУНЖИЙ: Отставить! Дамы, расстегиваем пуговицы на противогазной сумке!

Сестры, смеясь, выполняют.

ХОРУНЖИЙ: Положение №3 – Боевое: По команде «Газы!» обучаемый задерживает дыхание, закрывает глаза, при необходимости ложит оружие на землю или берет «на ремень», ставит его у опоры или зажимает между ног.

ХОРУНЖИЙ: Обучаемый снимает стальной шлем и головной убор, а при опущенном подбородочном ремне откидывает головной убор назад. В вашем случае, дамы, снимаем платочки, хе-хе.

Сестры снимают апостольники.

ХОРУНЖИЙ: Обучаемый вынимает противогаз из сумки. Берет шлем-маску обеими руками за утолщение края у нижней части так, чтобы большие пальцы ладоней были снаружи, а остальные внутри ее.

Сестры вынимают противогазы из сумки.

ХОРУНЖИЙ: Обучаемый прикладывает нижнюю часть шлем-маски под подбородок и резким движением рук вверх и назад натягивает ее на голову так, чтобы не было складок, а очковый узел располагался против глаз.

Сестры надевают противогазы.

ХОРУНЖИЙ (*подходя к сестрам и поправляя противогазы*): Обучаемый устраняет перекос и складки, если они образовались при надевании шлем-маски, делает полный выдох, открывает глаза и возобновляет дыхание. Смирно!

Все вытягиваются по стойке смирно.

Хорунжий поворачивается в зал, достает из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, разворачивает его, надевает очки.

ХОРУНЖИЙ: Высочайший Манифест: Объявляем всем верным Нашим подданным... Ныне Австро-Венгрия объявила войну не раз спасавшей её России. В предстоящей войне народов Мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце...

Звучат взрывы бомб. Все падают на пол, вместе с Амвросием.

Хорунжий уходит.

Тишина.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Анастасия приподнимается, садится на полу, снимает противогаз.

АНАСТАСИЯ: Деревья и трава от Сморгони до Молодечно, около 35 верст, пожелтели, как от пожара... Поля ржи. Смотришь, местами рожь примята. Подъезжаешь. Лежит человек. Лицо буро-красное, дышит тяжело. Поднимаем, кладем в повозку. Он еще разговаривает. Привезли в лагерь – мертвый. Привезли первую партию, едем снова...

Анастасия отходит к окну.

Звучит вальс «Осенний сон».

СОФИЯ (*приподнимается, снимает противогаз, садится*): Отряд работает день и ночь. Госпиталь переполнен. Отравленные лежат на полу, на дворе... 1200 человек похоронили в братской могиле. Многих эвакуировали... Я ничего не испытала более страшного, как отравление этим смертельным ядом людей. Бежать некуда.

София встает, отходит в сторону.

МАРИАМНА: Он проникает всюду, убивает не только все живое, но и каждую травинку. Зачем?..

ХРИСТИНА: Какой смысл во всех этих конференциях, бесконечных рассуждениях о мире, если не принять учения Христа и заповеди "не убий" как основной закон...

Мариамна и Христина встают, отходят в сторону.

Амвросий и Мила начинают танцевать в противогазах под звуки вальса: вначале лежат на полу, потом, встав.

Амвросий и Мила в противогазах танцуют вальс все стремительней.

Постепенно музыка замолкает. Сцена пустеет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На сцене София. Она оглядывается, подбегает к столу, достает ключ, открывает ящики, начинает копаться в ящиках, находит книгу, похожую на амбарную.

На сцене появляется Анастасия.

София прячет книгу под фартук, стремительно бежит через всю сцену к выходу.

АНАСТАСИЯ: Соня!

София замирает на краю сцены.

АНАСТАСИЯ: Соня, ты что это? Ты куда сейчас?

СОФИЯ (*не поворачиваясь*): Мне нужно. Я туда.

АНАСТАСИЯ: Куда «туда»?

СОФИЯ (*раздраженно*): Ах, Настя, отстань!

АНАСТАСИЯ: Что это там у тебя?

На сцене появляется Мариамна.

АНАСТАСИЯ (*Мариамне*): Маша, она там что-то прячет. Я видела. Она рылась в столе. У нее ключ!

Мариамна подходит к Софии, резко разворачивает ее.

МАРИАМНА: Та-ак. Крот у нас завелся, значит. Рылась, значит. Посмотрим.

София стоит зажмурившись.

Мариамна отбирает у нее из-под фартука книгу, почти вырывает ее из рук, высоко поднимает над головой.

МАРИАМНА: Вот, а Соня-тихоня попалась!

София пытается вырвать книгу у нее из рук.

Мариамна отталкивает ее.

София падает.

Мариамна раскрывает книгу, листает ее.

Анастасия подбегает, заглядывает в книгу, крестится.

МАРИАМНА: Настя, это покойницкий журнал. Списки умерших в госпитале.

АНАСТАСИЯ: Может, страницы вырваны, посмотри.

Мариамна листает книгу.

МАРИАМНА: Нет, все на месте.

Девочки подходят к сидящей на полу Соне, нависают грозно над ней.

МАРИАМНА: А разве вы не знаете, сестра милосердия, что эта книга секретная?

АНАСТАСИЯ: Что вас судить будут, сестра, и пошлют на каторгу за то, что вы украли военную тайну!

СОФИЯ: Я ничего не крала! Отпустите меня!

МАРИАМНА: А вот мы сейчас кое-кому расскажем!

СОФИЯ: Я ничего плохого не делала! *(кричит)* У меня брат погиб! Сережа!

Повисает тишина.

АНАСТАСИЯ: Сонь, ты чего? *(обнимает ее, Мариамна садится рядом на пол)* Ты плачешь? Кто погиб? Сережа?!

СОФИЯ: В прошлую среду. Мама написала. Где-то в Галиции.

Девочки молчат. Молчит и София.

София встает.

СОФИЯ: Я в воскресенье в храме была. Мне батюшка тайну сказал. Он сказал, что если я буду молиться за тех, кто умер, только очень-очень сильно молиться, чтобы даже самой умереть, то больше никто не погибнет – потому что война кончится.

София и Мариамна встают с пола.

МАРИАМНА: И ты молишься?

СОНЯ: Уже три дня.

АНАСТАСИЯ *(полушепотом Мариамне)*: Маша, кто у нас умер за эти три дня?

Мариамна молчит, словно вспоминает.

МАРИАМНА: Никто.

АНАСТАСИЯ: Подожди, дай вспомнить.

МАРИАМНА: Чего вспоминать! В журнале посмотри *(протягивает журнал)*! Никто! С воскресенья все живы!

СОФИЯ *(берет журнал)*: Я становлюсь на колени перед иконой и начинаю вспоминать их всех *(становится на колени, раскрывает журнал)*. Вот например, старший унтер-офицер Доминский Дмитрий Петрович, Господи Иисусе, миленький мой Бог. Прости ему, пожалуйста, все его грехи. Он меня Сонькой называл, шутил, сахаром угощал. Сквозное ранение в кисть. Ампутировали, еще в полевом госпитале, потом руку до локтя, потом до

плеча. Началась гангрена. Очень кричал, просил его застрелить. Или вот. Младший унтер-офицер Щербаков Федор Артамонович, православный, женат, Скопинского уезда, Чуриковской волости, деревни Покровской. Была сожжена спина, затылочная часть головы, ампутация правого глаза, отказали почки...

АНАСТАСИЯ: Не надо!

София испуганно захлопывает журнал. Наступает тишина.

МАРИАМНА: За три дня никто не умер... А если всем молиться? Что тогда?

АНАСТАСИЯ: Тогда...

МАРИАМНА: Война кончится?

София открывает журнал, начинает читать. Анастасия и Мариамна становятся рядом с ней.

СОФИЯ: Ефрейтор Фроловский Спиридон Михайлович, православный, женат, Сапожковского уезда, Высоковской волости...

АНАСТАСИЯ: Ранение в голову, частичная потеря слуха и зрения, потеря речи...

МАРИАМНА (*кричит, одновременно с ней кричат Анастасия и София*): Господи Иисусе, Боже наш, прости нам всем, Боже, Всем, прости, Боже...

СОФИЯ: Всем, Боже, прости...

АНАСТАСИЯ: Прости всем нам, Господи...

Наступает тишина.

Звучит «Милосердная сестра». Девочки уходят.

На сцене появляется Мила, подходит к выключателю, выключает свет.

МИЛА: Ну что, семнадцатая, спим? (*полупрошептом*) Тихий час, солдатики!

КАРТИНА ПЯТАЯ

На ширме неожиданно появляются тени – это фотографии сестер милосердия.

Снова звучит тихо-тихо песня

Под песню «Милосердная сестра» на сцене появляется фронтовой фотограф – это Хорунжий, ставит треногу с фотоаппаратом, стул.

На стул садится Мила, рядом с ней становятся Христина, Мариамна, Анастасия, София.

Фотограф делает приготовления к съемке, переставляет сестер, просит их принять разные позы, фотографирует – вспыхивает магний.

Постепенно песня смолкает, сцена пустеет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На сцене у окна остается Хорунжий, у противоположной стены Христина – они замерли в разных концах сцены спиной друг к другу.

У Христины в руках книга.

ХОРУНЖИЙ (*напряженно*): Христина Юрьевна, хотите, я вам самовар поставлю?

ХРИСТИНА: «Хотите» говорить не хорошо, господин хорунжий. Нужно говорить «хотите».

ХОРУНЖИЙ: Христина Юрьевна, хотите я вам самовар поставлю?

ХРИСТИНА: Спасибо, Данила Сергеевич, не хочется что-то.

Пауза.

ХРИСТИНА (*нарочито оживленно, поворачиваясь к Хорунжему*): А действительно, не попить ли нам чайку?

ХОРУНЖИЙ (*стоя так же неподвижно у окна, спиной к Христине*): Я мигом, Христина Юрьевна. Одна нога здесь... Я уже и щепок настрогал, Христина Юрьевна. Мне это ничего и не стоит. Вы как хотите, Христина Юрьевна, а мне для вас только в радость. Вы когда чайку захотите, вы сразу мне только намекните, Христина Юрьевна (*резко поворачивается к Христине*). Как только захотите...

Они мгновение смотрят друг на друга, потом бросаются друг к другу и останавливаются за полшага друг от друга – между ними книга, в которую оба вцепились. Начинают говорить одновременно.

ХРИСТИНА (*взволновано*): Вы мне можете «хочите» сколько угодно говорить, Данила Сергеевич. Мне очень нравится, когда вы так говорите, Данила Сергеевич. У вас так мило получается, так по-народному, по-настоящему...

ХОРУНЖИЙ: Я ведь еще и сапожник хороший. Если у вас сапожки там или что понадобится, вы мне только намекните... Да вам и намекать не надо – вы так прямо и скажите... да что там, просто прикажите: ты, Данила Сергеич, немедленно возьмишь, слышишь!..

Снова повисает пауза. Хорунжий и Христина молча смотрят друг другу в глаза.

ХОРУНЖИЙ (*полупрошептом*): Вы книжки любите читать, я вижу – все читаете и читаете.

ХРИСТИНА: Очень люблю книжки читать. А вы любите? Любите читать?

ХОРУНЖИЙ: И я очень люблю. Газеты все больше люблю. Интересные газеты попадают иногда... А иногда и так себе, дрянь... А ваша книжка как называется?

ХРИСТИНА: Хорошо называется. «Четки» называется.

Пауза.

ХОРУНЖИЙ (*растеряно*): «Четки»?.. Вот еще, «Четки»... Это зачем «Четки»? Это про монастырь? Вы разве в монастырь собираетесь? Я, конечно, Христина Юрьевна, ничего против... Ну что же вы мне не сказали?

Поворачивается к ней спиной.

ХРИСТИНА (*смеется*): Да не про монастырь это. И никуда я не собираюсь.

Христина тоже поворачивается к нему спиной. Теперь они стоят, спинами касаясь друг друга.

ХРИСТИНА (*полупрошептом*): Это стихи такие. Хотите, прочитаю? (*Христина открывает книгу*) Ну хотя бы вот это:

Где-то кошки жалобно мяукают,

Звук шагов я издали ловлю...

Резко поворачиваются друг к другу.

ХОРУНЖИЙ: Мяу...

ХРИСТИНА: Действительно, мяу...

Должен произойти поцелуй.

В центре сцены появляется Мариамна, в ее руках елочная хлопушка, хлопушка взрывается над головами Христины и Хорунжего – в зрительный зал летит конфетти.

МАРИАМНА: Ура! С Новым Годом!!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Христина и Хорунжий разбегаются.

Включается свет, звучит «Краковяк», взрываются хлопушки, в зал летят конфетти, серпантин.

На сцене – сестры милосердия, они разбирают стол, ставят на него блюдо с картошкой, хлеб, самовар, чашки, коробку с конфетами.

Праздничная суета.

Появляется плакат: «Съ Новымъ 1916-мъ Годомъ».

МИЛА: Девочки, а давайте загадывать желания?

ХРИСТИНА: Чтоб мужчин никогда не убивали! Сейчас мужчин обязательно убивают! Пусть их никогда не убивают!

АНАСТАСИЯ: Пусть никого никогда не убивают!

На сцене появляется Амвросий в шинели, засыпанной снегом. На шее – вязанка бубликов.

Все, кроме Милы, кидаются к нему, помогают снять шинель.

Под шинелью у Амвросия бутылка шампанского и цветы.

Шампанское с криками водружается на стол.

Мила стоит в стороне.

СОФИЯ: А цветы кому?

Все расступаются. Амвросий делает шаг к Миле.

Мила выхватывает у него из рук цветы.

МИЛА: Как мило, господин капитан медицинской службы! Девочки, еще подарки!

Мила всем сестрам раздает по цветку.

Сестры накалывают цветы на фартуки, разливают чай.

Мила и Амвросий стоят на авансцене.

МИЛА: А согласно § 48 нормального устава Общины, сестрам запрещается брать на руки подарки от больных и кого бы то ни было, господин миленький капитан медицинской службы. Но ввиду поступления неоднократных просьб со стороны больных и их родственников и других лиц, решено принимать эти подарки в виде пожертвований в пользу сестер милосердия, внося их в общую кассу. На случай непредвиденных нужд сестер...

АМВРОСИЙ: Я должен вам кое-что сказать, Людмила Андреевна...

Сестры милосердия в это время разматывают один из бинтов, насаживают на него бублики, как грузила, становятся перед Милой и Амвросием, раскручивают бинт. Теперь бинт – большая скакалка.

Сестры милосердия по очереди впрыгивают в скакалку.

ХРИСТИНА (*прыгая в скакалке*): В 1916 году по официальным спискам на фронт было отправлено 17436 сестер, которые обслуживали более двух тысяч полевых и тыловых учреждений Красного Креста (*выпрыгивая из скакалки*)...

АНАСТАСИЯ (*впрыгивая в скакалку*): ...71 госпиталь, рассчитанный на 44600 человек, этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты (*выпрыгивает*)...

СОФИЯ (*впрыгивая в скакалку*) ...дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории (*выпрыгивая*)...

МАРИАМНА (*впрыгивая*): шесть полевых складов... Средствами передвижения для нестационарных учреждений служило около 10 тысяч лошадей и 800 автомобилей (*выпрыгивая*)...

Мила прыгивает в скакалку.

МИЛА (*в скакалке*): Ах, я никогда не поверю, что люди не боятся обстрелов, бомб, ружейных атак. Все боятся. Весь вопрос в выдержке, в умении владеть собой и не показывать свой страх.

АМВРОСИЙ (*впрыгивая в скакалку. Амвросий и Мила в скакалке одновременно*): Мне нужно вам сказать, Людмила Андреевна...

МИЛА: Наш милый капитан медицинской службы, нервничает, волнуется, газеты чуть не наизусть выучивает и все пишет-пишет рапорты... Он тоже, как я, хочет в действующую армию...

АМВРОСИЙ: Мой рапорт удовлетворен, Мила. Сегодня в три ночи эшелон в сторону Митавы.

Амвросий выпрыгивает из скакалки, быстро уходит.

Музыка звучит все громче.

Мила все прыгает и прыгает в скакалке.

А музыка все звучит и звучит.

Музыка неожиданно обрывается.

Сестры убирают скакалку, уходят.

Тишина.

В тишине слышно как где-то монотонно капает вода, шумит проходящий поезд.

МИЛА: Дорогая моя Нинуша, поезда идут часто — до 90 поездов в сутки. Амвросий, наш милый капитан медицинской службы, нервничает, волнуется, газеты чуть не наизусть выучивает. Он тоже, как я, хочет в действующую армию. Но ему, конечно, нельзя, это всем понятно (*закрывает лицо руками, кричит*). Его ведь обязательно убьют. Сейчас мужчин обязательно убивают! Милость и суд воспою Тебе Господи... Милость и суд... Милость!..

Звучит песня «Когда мы были на войне».

На сцену выходят сестры милосердия, становятся рядом с Милой.

ХРИСТИНА (*раскрывая газету*): В районе Митавского шоссе, в окрестностях Олая, бои продолжаются. В лесах восточнее этого шоссе также во многих местах идет бой.

СОФИЯ: Наши «Ильи Муромцы» произвели вчера набег на станцию «Фридрихсгоф», юго-западнее Митавы, сбросив на станционные здания и в подвижной состав несколько десятков бомб.

АНАСТАСИЯ: Вчера нашими войсками в районе юго-восточнее Барановичей, после стремительного удара, взяты позиции германцев у деревень Екимовичей, Одоховщины, Новиков и Нагорни. При этом за день нами взято в плен 85 германских и австрийских офицеров и 3552 нижних чина.

МИЛА (*в стороне, скрестив на груди руки*): Ночью сестры дежурили по очереди. Четыре палаты по 40-50 больных в каждой. На каждую палату один дежурный санитар, а на все палаты одна сестра. Почти все больные – тифозные. Всю ночь бегаешь из одной палаты в другую. Стонут, мечутся, бредят.

СОФИЯ: Чувствуешь свое полное бессилие как-то облегчить, помочь. Минутами делается страшно. Особенно, когда стоны превращаются в хрип... Подбегаешь, дыхания почти нет, больной затих, пульса нет. Только успеешь перекрестить, закрыть глаза – помер.

На сцене появляется Хорунжий, проходит вперед, становится лицом к залу.

ХОРУНЖИЙ: Зал, смирно!

Все зрители в зале встают.

ХОРУНЖИЙ:

Подполковник Михаил Павлович фон-Брадке, умер от ран, полученных в бою с германцами при деревне Марина 23-го сентября 1915 года.

Капитан Николай Матвеевич Кривошапкин, скончался 27-го августа от ран, полученных в бою 21 августа.

Звучит марш «Тоска по Родине».

Одновременно вместе с ним начинают говорить сестры:

Прапорщик Владимир Васильевич Пфейффер, 25 лет, убит в бою под Стошанами 9-го сентября. Окончил 2-е военное училище в Киеве.

Подпоручик Сергей Владимирович Заиончевский, убит под Люблином в июле прошлого года. Окончил Кишиневскую гимназию и казанское военное училище.

Штабс-капитан Петр Иванович Грибинюк, убит под Остроленкой 1-го марта.

Прапорщик Степан Федорович Астахов, 21 год, убит в бою на австро-германском фронте.

Прапорщик Дмитрий Федорович Горшков, 2-го сентября умер от ран, полученных во время атаки на австрийском фронте при деревне Гентово.

Прапорщик Григорий Соломонович Дзудцев, студент московского коммерческого института, пал в бою при деревне Подвысокое 3-го июля.

Прапорщик Андрей Андреевич Гродский, 20 лет, москвич, 17-го августа скончался от ран, полученных во время разведки под Вильной. Окончил Комиссаровское техническое и Александровское военное училище.

Прапорщик Александр Николаевич Виприцкий, убит в бою у деревни Майдана-Островского, Холмской губернии 11-го июля прошлого года. Окончил Гимназию в г. Владимире и Казанское военное училище.

Прапорщик Алексей Николаевич Корин, 27 лет, тяжелораненый осколком снаряда в спину, умер 10-го июля.

Прапорщик Григорий Васильевич Галягин, москвич, 20 лет, умер 14-го сентября от ран, полученных в бою под Двинском 10-го сентября.

Прапорщик Валерий Сергеевич Шорохов, убит в бою у Днепровско-Бугского канала при местечке Городец 19-го августа.

Прапорщик Николай Сергеевич Воронцов, убит под Гродно 9-го августа 1915 г. Окончил Алексеевское военное училище.

Полковник Константин Ксаверьевич Лисовский, тяжелораненый 1-го октября под Ивангородом, скончался 13-го октября.

Подпоручик Николай Евгеньевич Аничков-Платонов, 19 лет, убит в атаке деревня Пшиборов 7-го июля.

Подполковник Владимир Петрович Матвеев, убит в бою под Красником 21-го июня. Ордена св. Станислава 2-й степени, св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, св. Георгия 4-й степени и св. Анны 4-й степени.

Подпоручик Николай Куницкий, 27 лет, убит в бою с германцами при деревне Сестржанки 17-го февраля. Окончил Гимназию в г. Новгороде и Петроградский университет. Ордена св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Поручик Сергей Николаевич Иванов, 24 года, москвич, скончался от ран, полученных в бою 23-го сентября сего года под деревней Занапоча. Окончил 2-й московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Ордена св. Станислава 2-й степени. и св. Анны 3-й степени.

Поручик Владимир Владимирович Дуров, 26 лет, москвич, скончался на австро-германском фронте. Ордена св. Анны 4-й степени и 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 3-й и 2-й степени с мечами и бантом, св. Владимира и представлен к ордену св. Анны 2-й степени и к чину поручика.

Прапорщик М. П. Асташенко, убит в бою на австрийском фронте 15-го мая. Награжден Георгиевской медалью 4-й и 3-й степени, Георгиевским крестом 4-й и 3-й степени, произведен в прапорщики, представлен к офицерскому Георгиевскому кресту и к чину подпоручика.

Вольноопределяющийся Алексей Диомидович Волканович, 21 год, тяжело раненый 27-го авг. прошлого года в бою под Мшанами. По дороге в госпиталь скончался. Награжден Георгиевскою медалью.

Музыка становится все громче, голосов сестер становится не слышно.

Сестры замолкают. Хорунжий командует: «Смирно. Налево. Шагом марш».

Сестры уходят со сцены под звуки нескончаемого марша.

Сестры возвращается на поклоны.

Начинает звучать песня О. Митяева «Сестра милосердия».

Сестры становятся в круг, обнимаются, молчат, слушают песню.

Потом начинают снимать свои платки, фартуки, вешают их на веревку, складывают противогазные сумки в коробку, тихо уходят.

КОНЕЦ